

АНДЖЕЛА ХАНТ

A black and white portrait of Angelina Jolie, looking slightly to the right. She is wearing a heavily jeweled headpiece and a necklace. The image is faded and serves as a background for the text.

Далида

ВЕРОЛОМНАЯ КРАСАВИЦА

АНДЖЕЛА ХАНТ представляет серию
«ОПАСНАЯ КРАСОТА»

В древнееврейском тексте встречаются два слова, которые обычно используются при описании внешности человека. Одно из них, довольно мягкое, означает «привлекательный». А второе, употребляемое применительно к внешности женщины, выражает чувственную притягательность. Эта женщина настолько красива, что вызывает желание у мужчин, смотрящих на нее.

*Сью Пурман Ричардс и Ларри Ричардс,
авторы книги «Every Woman in the Bible»*

Красота не всегда дает преимущества женщине, ей обладающей. Иногда она ее предает, а случается, ставит в опасное положение, вплоть до смертельно опасного.

Эти романы — «Эсфирь», «Вирсавия» и «Далида» — рассказывают о трех чувственно притягательных женщинах.

НЕ СЛИШКОМ РАЗЖИГАЙТЕ ПЕЧЬ ДЛЯ СВОИХ ВРАГОВ,
ИНАЧЕ ВЫ СГОРИТЕ В НЕЙ САМИ.

Уильям Шекспир, «Генрих VIII»

Далида

Около 1200 года до рождения Христа

Ни одна женщина не признает себя злодейкой. Не уверена, что то же самое можно сказать и о мужчинах.

На сегодняшний день у меня только два знакомых мужчины: Адинай, приятный филистимлянин, деловой человек, за которого три месяца тому назад вышла замуж моя мать, и его сын Анхус — его я невзлюбила с первого взгляда. Адинай, с тех пор как перевез нас с матерью из нашего дома в Египте в свой просторный дом в Газе, проявлял к нам только сочувствие и заботу. От Анхуса же я ни разу не слышала доброго слова.

Каждый день начинался для меня одинаково. И сегодня я проспала все утро и проснулась, когда солнце было уже высоко. Захра, моя служанка, принесла поднос с хлебом и фруктами на завтрак. Пока я смаковала кусочек дыни, она напомнила мне, что сегодня вечером я должна сопровождать сводного брата и отчима на званый ужин.

— Я вернусь позже, чтобы помочь с платьем, — добавила девушка, робко улыбаясь. — К правителю Газы ведь не пойдешь в обычной одежде.

Я поблагодарила ее, взяла следующий ломтик дыни и, закрыв глаза, наслаждалась сладким соком на языке. Такие фрукты всегда напоминали мне о Египте. Даже когда

мама, выбиваясь из сил, старалась прокормить нас обеих, на нашем столе всегда были фрукты.

Я разломилла небольшой хлебец на своем подносе и в этот момент почувствовала на себе чей-то тяжелый взгляд. Я подняла голову и увидела в дверях моей спальни Анхуса, сводного брата. Возможно, некоторым девушкам он кажется красивым, у него вьющиеся волосы и гладкая кожа, однако взгляд его постоянно источает недовольство.

— Чего тебе? — спросила я, даже не скрывая раздражения. Мы с Анхусом возненавидели друг друга почти сразу, как только наши родители решили пожениться. — Если ты проголодался, твои слуги принесут что хочешь.

Его верхняя губа презрительно изогнулась.

— Меня не интересует... еда.

Я поняла, что он хочет втянуть меня в ссору, но не клюнула на наживку:

— Беги дальше, у меня ничего нет для тебя.

Любой другой человек рассердился бы, но Анхус лишь вкрадчиво улыбнулся и ушел.

Я опустила голову и глубоко вздохнула, успокаивая участившееся сердцебиение. Анхус был для меня почти постоянным раздражителем. Адиной обещал, что мы будем равными в семье, но Анхус даже не пытался скрывать свое недовольство изменениями в доме. Мама повторяла, что он примет нас со временем, но она все еще смотрела на мир сквозь розовые очки любви. Думаю, что месяцев через шесть, возможно двенадцать, она уже не будет столь терпима к грубости Анхуса.

Я закончила завтрак, опустила занавес, закрывающий дверь, и прошла к умывальнику. Умыла лицо, сполоснула рот и надела свежую тунику, которую Захра повесила на крючок. Мой египетский наряд был простым, прямого покроя, цвета мокрого песка — полная противоположность многоцветным юбкам филистимлянок.

Мама шила в залитой солнцем комнате с видом на шумную улицу Газы. Широкие окна, выходявшие на север

и на юг, пропускали ветерок, поэтому это помещение было самым приятным в доме.

Я наклонилась и поцеловала мать в щеку, затем присела с ней рядом. Анхус, пришедший раньше меня, со скучающим выражением на лице устроился в противоположном углу; на нем была яркая туника. Наше присутствие явно было ему неприятно. Тогда зачем он здесь сидит, пошел бы к своим юным дружкам!

— Ты только что встала, — сказала мама с упреком в голосе. — Не забудь, что ты идешь сегодня на званый ужин к правителю. Я бы хотела, чтобы ты надела одну из тех пышных юбок, которые тебе сшила Захра. И попроси служанку сделать твою прическу... поэизацней. — Она улыбнулась мне, а я еле сдержала вздох. — Ты будешь самой красивой девушкой на этом пиршестве.

Я посмотрела на нее жалобным взглядом:

— Надеюсь, ты не собираешься отправить меня туда одну?

Мама кивнула в сторону дивана, где развалился Анхус:

— С тобой пойдет брат.

Я не повернула головы и сказала:

— Но Анхус будет с мужчинами. Если ты не пойдешь, мне придется ужинать в одиночестве.

— Насколько мне известно, у правителя Газы много дочерей, и ты будешь сидеть с ними. — Мама протянула руку и приподняла мой подбородок. — Ты слишком много переживаешь, Далида. Так ты наживешь морщины.

Я скривилась, села, подогнув под себя ноги, и нахмурилась. Похоже, мне придется провести вечер с незнакомыми людьми, с которыми у меня нет ничего общего.

Анхус поймал мой взгляд и ухмыльнулся. В свои восемнадцать он считал себя мужчиной, поэтому на пиру не станет ничего делать, чтобы облегчить мое положение. Адинай постарался бы, чтобы мне было комфортно, потому что он добрый и щедрый. Но как только мы окажемся в доме правителя, то, в соответствии с обычаем, они с Анхусом

присоединятся к мужчинам, а мне придется отправиться к женщинам.

— А почему ты не хочешь пойти со мной, мама? — Я задала свой вопрос очень тихо, потому что не хотела, чтобы Анхус догадался, как сильно я еще завишу от матери.

— Далида, — она перестала шить, — ты прекрасно знаешь, почему я не иду. Не хочу, чтобы твоему отцу было неловко.

— Но, — прошептала я, — если жители Газы не могут примириться с твоей темной кожей, почему ты думаешь, что они примут меня? Я ведь только чуть-чуть светлее тебя.

Мать снова взялась за работу, нанизывая на иглу бусинки, которыми расшивала наряд:

— Ты молодая, моя милая, и настолько прекрасна, что все посчитают тебя экзотическим цветком. Отправляйся сегодня с Адинаем и Анхусом, веселись и подружись с дочерями правителя. А я останусь дома, завтра ты все мне расскажешь об этом празднике.

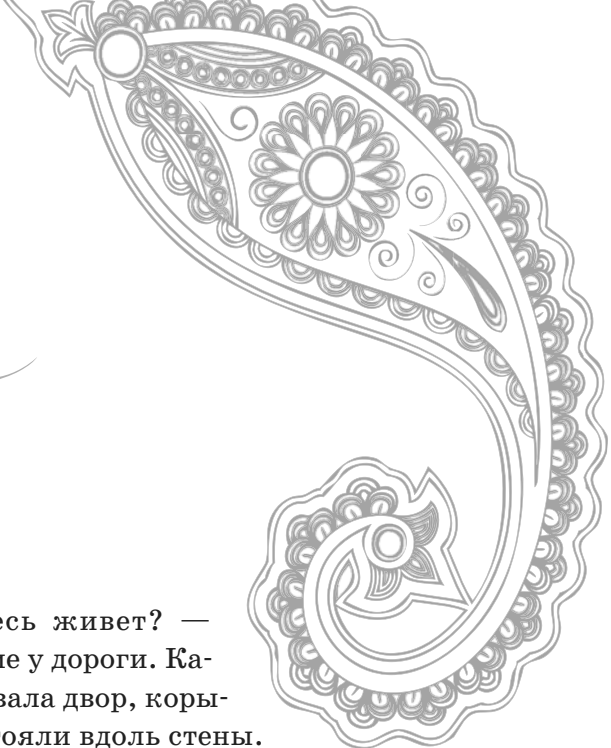
Я шумно выдохнула и поднялась, потом вышла из дома в сад. Цветы цитрусовых, вместе с множеством других белых цветов, наполняли воздух ароматами. Я бы с радостью осталась дома и играла бы на цитре в саду, но отчим настоял, чтобы Анхус и я сопровождали его на званый ужин. Мать добавила, что мы окажем услугу Адинаю, каждый по-своему: я своей красотой, а Анхус — силой и жизнелюбием, унаследованными от отца.

Я не особенно стремилась оказывать услугу Адинаю. Я им, конечно, восхищалась, но зачем мне заботиться о его репутации среди знатных филистимлян? Пока он оставляет меня в покое и с добротой относится к матери, я вполне довольна.

— Госпожа? — Голос моей служанки разнесся по всему саду, я знала, что прятаться от нее бесполезно. В доме Адиная, как и за его пределами, трудно было не заметить нас с матерью, слишком смуглых для окружающих.

— Иду, Захра. — Я вскинула подбородок, глубоко вдохнула благоухающий воздух и направилась к воротам.

Самсон

— Думаешь, она здесь живет? —
Я разглядывал строение у дороги. Ка-
менная стена огораживала двор, коры-
та с водой для скота стояли вдоль стены.

Замечательный антураж для постоянного двора.

Рей, мой слуга, скрестил руки на груди и бросил на меня
предостерегающий взгляд:

— Сами знаете, вы задумали плохое дело.

— Что может быть плохого в том, что я зайду к женщине?

— Если бы это была наша женщина, тогда, конечно, ни-
чего. Но ведь это филистимлянка и язычница. Ваши роди-
тели — ваш род — этого не одобряют.

— Неужели мужчина в тридцать пять лет не может сам
принимать решения?

— В вашем случае, пожалуй, не может. Вы должны по-
мнить, кто вы.

И снова мне напоминают. Да, я необычный человек;
меня избрали и выделили среди остальных. Я — особен-
ный. Я получил благословение. Я — чужак. И так далее,
и тому подобное.

В такие дни, как сегодня, я готов был отдать правую
руку, чтобы стать как мои братья — совершенно обыкно-
венным.

— Разве не может судья, — снова заговорил я, — взять себе жену и завести семью? Остальные судьи так и сделали.

— Вы редко бываете дома. Вы постоянно разъезжаете по деревням, проводите ночь там, ночь здесь...

— Жена может ездить со мной.

Рей покачал головой:

— Она не захочет с вами ездить, как только Адонай* благословит вас детьми. И что вы тогда станете делать? Останетесь дома?

— Тогда люди станут сами ко мне приходить. — Я посмотрел вдоль дороги в ту сторону, где утреннее солнце поднималось ослепительным пятном над горизонтом. — Мне так одиноко, Рей! Разве не сказал Адонай, что нехорошо быть человеку одному?

Рей довольно долго молчал, затем махнул рукой в сторону раскидистого терпентинного дерева за стеной:

— Если вы настаиваете и хотите войти, я буду ждать вас там, в тенечке. Не хочу пачкать руки в доме филистимлян.

Я фыркнул:

— Ты слишком благочестив, и это не пойдет тебе на пользу.

— Хорошо бы и вам стать таким хоть немного.

— А тебе лучше бы промолчать.

Оставив Рея в тени, я с опаской направился к просторному красно-оранжевому зданию. Две бронзовые фигуры стояли у двери, одна изображала Ваала, а вторая — Астарту, его жену. В одной руке Ваал держал косу, а в другой — колоски пшеницы, что символизировало его власть над плодородием и урожаем.

Я насмешливо фыркнул и отвел глаза. Путешествуя по землям различных племен Израиля, я видел такие же изображения перед домами израильтян — еще одно дока-

* Адонай — одно из имен Бога в иудаизме, заменяющее произносимую тетраграмму (слово из четырех букв, обозначающее неизреченное имя Бога). — *Примеч. ред.*

зательство, что мои соплеменники начали поклоняться языческим богам хананеев. Если избранная мною невеста поклоняется идолам, я стану учить ее путям Хашема*, единственного истинного Бога.

Полдюжины окон выходили на загон, где находились вместе разные животные: пара мулов, верблюд и прекрасный черный жеребец. Я присвистнул от восхищения и отряхнул свою тунику от пыли. Но ведь я прибыл в Фимнафу вовсе не для того, чтобы любоваться конями. Я пришел восхищаться женщиной.

Убедившись, что выгляжу прилично для человека, который шел пешком весь последний час, я переступил порог дома и оказался в просторной комнате. Внутри стояли длинные столы, за ними восседали полдюжины мужчин — в основном филистимляне; на некоторых были бронзовые доспехи воинов.

Я присел за стол, где было меньше людей, и кивнул одинокой фигуре в противоположном конце помещения. Тот ответил мне кивком и мрачно уставился на свою медную чашу. По крайней мере, он был еще достаточно трезв, чтобы поприветствовать посетителя.

Я наблюдал, как хозяин постоянного двора направляется ко мне, шаркая ногами.

— Чего желаешь, пастух? — спросил он, окидывая меня презрительным взглядом.

Я не стал обращать внимания на его оскорбительный тон, а продолжал осматривать зал, надеясь, что его дочери работают в зале. Я видел одну из них, когда она проезжала мимо моего пастбища, и был сражен, лишь взглянув на ее стройную фигуру, светлые волосы и белозубую улыбку.

* Хашем — одно из имен Бога в иудаизме; буквально «Имя» (с определенным артиклем или с прописной буквы). Строго говоря, это не имя, а эвфемизм, «обозначение имени», используемое вместо имени-эпитета «Адонай» и иногда вместо «Элохим» (которые, при меньшей табуированности, также традиционно избегают «произносить всуе») вне молитвы или религиозной службы. — *Примеч. ред.*

Я поспрашивал в округе и узнал, что она дочь того самого мужчины, который сейчас смотрел на меня, словно я мусор на подошве его сандалий.

— Я хочу жаркое, если у вас есть, — сказал я, глядя за его спину в надежде увидеть что-то, хоть отдаленно похожее на женщину. — И вина.

Мужчина заворчал:

— А чем будешь расплачиваться?

Я достал из кожаной сумки на ремне резной деревянный свисток. И предложил ему посмотреть.

— Это для того, чтобы созывать овец. И собак тоже. — Хозяин дунул в свисток и рассмеялся, когда все сидевшие в комнате обернулись. — Подходит, чтобы вызывать моих дочерей. Ладно, но тебе придется подождать немного.

Я повернулся, чтобы расслабиться и осмотреться. За дальним от меня столом ханаанские купцы ели сыр, хлеб и мед. На них были одежды слишком яркие для обычного дня, наверное, они надеялись продать свои цветастые наряды.

За следующим столом рядом с ними сидела группа воинов-филистимлян, самая шумная компания в этом заведении. По степени их опьянения я бы сказал, что они просидели здесь большую часть дня. Пятеро правителей филистимлян повелевали каждый своим городом, но совместно они содержали маневренные войска на завоеванных территориях израильтян. Иностранцы полностью захватили нашу землю обетованную, грабили, насиловали женщин, собирали подать и запугивали.

Только меня никто не грабил и не запугивал.

Рядом с воинами сидела пара пастухов, по тому, как они торопливо макали хлеб в чаши, я предположил, что их отары где-то поблизости... оставлены без присмотра. Им лучше поторопиться, иначе кто-нибудь из воинов приберет к рукам ягненка на ужин.

Кроме уже упомянутых гостей, в помещении находился еще один унылого вида парень.

У меня сильнее забилося сердце — мне пришла в голову неприятная мысль. А что если кто-то из этих мужчин пришел к моей женщине? Вдруг не только меня заворожили золотистые волосы и алые губки?

Не хотелось бы потерять ее из-за собственного бездействия.

Распрямив спину, я поднялся, прошел в ту дверь, за которой скрылся хозяин, и оказался на кухне: на огне кипел чайник, на столе рядом с ним стояли миски с тестом, блюдо вяленого мяса, ступка и пестик. Та самая молодая женщина стояла с тестом в руках, она застыла на месте при виде меня, ее глаза округлились.

— Не беспокойся. — Я поднял обе руки, чтобы успокоить девушку, хотя мое собственное сердце рвалось из груди. — Я ищущу твоего отца.

— Он... — Она указала пальцем с налипшим тестом в сторону другой двери. Возможно, хозяин вышел, чтобы облегчиться.

— Что ж, подожду. — Я прислонился к дверному косяку и попытался улыбнуться, что было вовсе не легко в присутствии такой красавицы. — Я Самсон из Цоры, — добавил я, смущаясь, словно мальчишка. — Я видел тебя на днях, ты проезжала мимо моего поля. На своем муле.

— Правда? — Она снова принялась месить тесто, но все-таки взглянула на меня и улыбнулась.

Мое сильно бьющееся сердце замерло. Я привык общаться с женщинами — у меня была мать, и половина девушек в Цоре, с тех пор как начал грубеть мой голос, воображали, будто влюблены в меня. Но знакомые девушки были застенчивыми и замкнутыми, они говорили тихим голосом, постоянно краснели и нервно улыбались. За все годы ни одна женщина ни разу не посмотрела мне прямо в глаза. Даже моя мать не чувствовала себя свободно в моем присутствии.

Но эта женщина была другой. Я улыбнулся еще шире. Возможно, она не видела во мне ничего особенного.

Возможно, она не слышала рассказов обо мне и поэтому не станет относиться как к чужаку. Она видела во мне того, кем я был на самом деле, и улыбалась мне.

К тому времени как вернулся ее отец, я был готов отдать половину Ханаана в обмен на его дочь.

— Ты! — Он бросился ко мне, насупив брови. — Ты не можешь здесь находиться.

— На самом деле я пришел сюда не за жарким, — сказал я, отрываясь от косяка. — Я пришел просить руки вашей дочери. Я видел ее на днях и только что с ней поговорил. Кажется, я ей нравлюсь, а она нравится мне. С вашего позволения мы могли бы пожениться.

Изумленный хозяин тотчас сменил тон и повернулся к дочери:

— Это правда?

Девушка бросила на меня взгляд из-под ресниц:

— Похоже, он хороший человек. И на нем богатая тунника.

Хозяин постоянного двора принялся меня разглядывать:

— Кто ты такой, откуда родом? Из какого племени?

Я решил отвечать по порядку, сначала на самый простой вопрос, первый.

— Мой отец, — начал я, — Маной, он преуспевающий земледelec в Цоре. Мы израильтяне, из колена Данова.

Хозяин сощурил глаза:

— У нас здесь мало израильтян.

Я пожал плечами:

— Наши люди предпочитают держаться обособленно.

— А ты? Если я разрешу тебе жениться на моей дочери, я смогу ее видеть?

— Я не такой, как большинство в моем племени. — Я улыбнулся девушке, она улыбнулась в ответ, и на ее щеке появилась ямочка. — Я собираюсь жить в Цоре, а значит, недалеко от вас. И буду хорошо о ней заботиться.

Хозяин постоянного двора снова посмотрел на меня, вздохнул и вскинул руки:

— Кто я такой, чтобы вставать у тебя на пути? Если Кези согласна, я говорю «да», можешь на ней жениться. Но все должно быть сделано по правилам. Пришли ко мне своего отца, чтобы мы составили брачный договор.

Кези. Милое имя.

Я широко улыбнулся девушке и ударил по рукам с ее отцом.

— Так все и будет. Я немедленно отправляюсь к своим родителям. — Я развернулся и пошел к дверям, но голос хозяина меня остановил:

— А как же твое жаркое?

— Отдайте его тому печальному парню за моим столом, — ответил я. — И сохраните свисток как свидетельство наших договоренностей. Я вернусь раньше, чем вы успеете приучить к нему своих собак.

